

Прасковья

© О.Л. ДОВГИЙ,

кандидат филологических наук

Статья представляет собой первую часть материала об истории существования в русской поэзии трех имен: *Прасковья*, *Полина*, *Параша*. Эта часть – об имени *Прасковья*.

Ключевые слова: женские имена в русской поэзии, семантический ореол имени, Прасковья, Полина, Параша.

The article being the first part of the material concerning the existence of three interrelated names (Praskovya, Polina, Parasha) in Russian poetry, is dedicated to Praskovya.

Key Words: female Names in Russian Poetry, Name Semantisc, Praskovya, Polina, Parasha.

Три женских имени *Прасковья*, *Полина*, *Параша* равноправно существуют в жизни и литературе. Каждое из них обладает собственным семантическим ореолом – именно он и станет предметом нашего исследования.

Основным в этой группе является имя *Прасковья*, так как только оно существует в православных святцах. С него и начнем.

Прасковья (*Параскева*, *Параскива*, *Парашкева*, *Парасковия*) – греческое имя, означающее «день отдохновения» или «страстная пятница», связано с великомученицей Параскевой Пятницей. Предание о Параскеве говорит, что ее родители-христиане, долгое время не имевшие детей, молились Господу о чадородии, особенно посвящали посту и молитве пятничные дни. Вымоленная девочка родилась в пятницу и получила имя *Параскева*. Подросшая Параскева Пятница приняла обет безбрачия и стала одной из ранних монахинь. За верность

христианской вере она приняла мученическую смерть. Святая Параскева – покровительница полей и скота, целительница людей от самых тяжелых душевных и телесных недугов, защитница семьи и деторождения. Русские крестьянки даже называли Параскеву «бабьей святой».

Имя значитесь среди царских: так звали жену и дочь царя Иоанна V. Прасковьей Илларионовной от рождения звалась и невеста Петра Первого. Чтобы два соправителя не оказались женатыми на Прасковьях, при бракосочетании ее имя было изменено на Евдокию. Дополнительной причиной смены имени было его «неблагозвучие». Больше в доме Романовых имя не встречается [1].

В XVIII веке в России имя было популярно в высшем свете: так называли дочерей вельможи – поэзия сохранила их имена в посвящениях и заглавиях, хотя в самих текстах стихов имя практически не встречается («Стихи на кончину фельдмаршала графа И.П. Салтыкова» 1805 г. И.И. Дмитриева, где в посвящении значитесь «Прасковья Ивановна Мятлева»; послание В.А. Жуковского «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой», 1818). Постепенно оно переходит в разряд устаревших и утрачивает популярность.

Для А.С. Пушкина имя *Прасковья*, с его пятничной семантикой [2], было важным и значимым. Достаточно вспомнить добрую знакомую поэта Прасковью Александровну Осипову. Считается, что «старушка Ларина» получила имя в ее честь [3]. Видимо, Пушкин чувствовал в этом имени какой-то старинный ореол, для усиления которого наряду с формой *Прасковья*, часто употреблял в письмах более торжественный и «затрудненный» вариант *Парасковья*: «Пиши мне: Ее высокородию Парасковье Александровне Осиповой, в Опочку, в село Тригорское, для дост. А.С. и все тут...» (П.А. Вяземскому, 29 ноября 1824); «...в Малинниках... живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман ...» (Н.Н. Пушкиной, 21 августа 1833).

Эту торжественную форму он выбирает (явно не без иронии) для 16-летней дочери Вяземского – вероятно, чтобы сильнее устыдить жену: «Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница...» (Н.Н. Пушкиной 30 октября 1833). Запомним, что княжна Прасковья Петровна Вяземская умерла в возрасте 18 лет.

С именем *Прасковья* прочно связана семантика материнства. Прасковья Александровна Осипова для Пушкина – своего рода архетип, образец матери; этим именем он называет мать Татьяны и Ольги в «Онегине» (кроме «старушки Лариной», в «Онегине» есть еще одна Прасковья; о ней речь впереди); мать Маши в повести «Метель» (Прасковья Петровна). В «Романе на Кавказских водах» среди действующих

лиц «старая дама» Парасковья Ивановна Поводова. Парасковьей Степановой зовут и мать героини романа Загоскина «Рославлев».

Имя – и без того длинное – часто требовало отчества, так как употреблялось для обозначения зрелых дам, пользующихся влиянием в свете; например, у Грибоедова: «К Парасковье Федоровне в дом/Во вторник зван я на форели...». Уже одно произнесение имени должно вызывать трепет. В «Горе от ума» это имя носила и сестра Фамусова («...мне и сестре Парасковье/ Двоих арапченков на ярмарке достал...»). Наличие в «Онегине» и «Горе от ума» двух носительниц имени – свидетельство его популярности, причем именно в среде московского дворянства.

В «Песнях западных славян» песня «Влах в Венеции» начинается фразой: «Как покинула меня Парасковья...» – и это начало всех бедствий героя. Семантика страданий, мук (как самой Парасковьи, так и причиненных ею) – важная составляющая ореола имени.

Имя настолько «серьезно», что трудно удержаться от искушения снизить его; В.А. Жуковский избирает его для пародии: в сатирической поэме «Война мышей и лягушек» (1831) *Парасковьей* он называет царицу мышей: «...царицу Парасковью/Чуть успели в нору уволочь за задние лапки...».

Итак, уже первый взгляд позволяет увидеть, что имя Парасковья относится к числу «торжественных» имен, связанных с семантикой семьи, материнства, светских приличий; смерть тоже присутствует в венке значений имени. Парасковья либо умирает молодой (в этом случае – как мы увидим дальше, для нее есть другие формы имени), либо становится почтенной матерью семейства.

XIX век нечасто употребляет в поэзии это медленное, трудно идущее в рифму, «амфибрахическое» имя. Для подбора рифмы требовалось поставить имя в косвенные падежи: «Парасковью» – «писывала кровью» (Пушкин).

Среди известных носительниц имени – Парасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова графиня Шереметева, Парасковья Егоровна Анненкова. Но в литературу они вошли под именами *Параша Жемчуговой* и *Полины Гебль* – поэтому о них речь пойдет соответственно в статьях «Параша» и «Полина»

В конце XIX века имя постепенно начинает появляться в поэзии; сохраняя уже знакомую нам семантику смерти, любви (часто жертвенной материнской) и зрелого возраста; а то и старости. Выбивается из этой традиции залихватская песня Н. Некрасова, исполняемая «в кабаке за полуштофом» (1866): «Нутко! Марья у Зиновья, / У Никитишны Парасковья, / Степанида у Петра – / Все невесты, всем пора!».

В поэме К. Случевского «В снегах» (1860–1878) дан подробный рассказ о судьбе старухи Парасковьи, построенный по схеме православного

жития: грех в молодости (кровосмешение с братом); и вся дальнейшая жизнь – стремление тяжелым трудом, странствиями по монастырям, молитвами смыть этот грех. Грешница становится праведницей. Она много повидала: «Ну, а Прасковья, напротив того, / Видела, ведала много всего. / Всяких епископов, митрополитов, / Схимников разных прославленных скитов, / С мертвыми главами на власяницах, – / Знала Прасковья и видела в лицах...». Ее рассказы открывают герою поэмы Андрею богатство мира, и в первую очередь – мира христианских святых: «Ну и была тут Прасковья готова / Все объяснять хорошо и толково! / Тут она ясно, как день, излагала, / Не говорила ему, – а вещала. / Целые книги Четии-Миней / Все наизусть были ведомы ей. / Речи Прасковьи уверенны были: / Ею пророки, отцы говорили! / В сердце Андрея, из глуби сознания, / Мало-помалу взросли очертанья, / И выступали чудесны, велики / Словом Прасковьи рожденные лики / Мучениц славных, церковных святителей, / Светских владык и святых небожителей...». Прасковья своей праведной жизнью и смертью заслужила прощение: «Тело лежало Прасковьи почившей. / И улыбалась она, хоть молчала, / Будто приятное что увидала, / Будто отмену великой печали / Вот-вот, теперь только ей обещали!.. / “Радуйся, радуйся! – Слышит она. – / Бедная грешница, ты – прощена!.. ”».

В стихотворении И. Бунина «Слепой» (1907) тоже развивается мотив греха и покаяния в старости: «И крестится старуха и дрожащей / Рукою ищет грошик заваливший / И жалко плачет, сморщивая брови, / Об окаянной грешнице Прасковье».

В основу поэмы «Песнь о великой Матери» Н. Клюева (1930–31), в которой автор «по зернышку собирал русские тайны», положен рассказ о судьбе матери поэта, звавшейся *Прасковьей*. «Памятовала она несколько тысяч словесных гнезд стихами и полууставно, знала Лебедя и Розу из Шестокрыла, огненные письма протопопа Аввакума и много другого, что потайно осоляет народную душу – слово, сон, молитву, что осолоило и меня до костей, до преисподних глубин моего духа и песни...», – писал о ней поэт [4] и включил в текст поэмы не только имя, но и фамилию матери: «И что у Клюевой Прасковьи / Цветок в тесовом изголовье...». Все это богатство, все сложное переплетение сказаний, легенд, поверий, уходящих корнями в древние времена, призвано рассказать о судьбе русской женщины, ставшей символом России. Героиня поэмы именуется то *Прасковьей* («На петухах легла Прасковья, – / Ей чудилось: у изголовья / Стоит Феодор Стратилат, / Горит топазием наряд...»), то *Парасковьей*: («Еще Федор Парасковьюшку / Не ищи по чисту полюшку!»); «Парасковья дочь отецкая, / На ней скрута не немецкая!»), то *Параскевой* («Запомни, Параскева – / Близка година гнева...»), то *Парашей* («Милый друг, в чувале нашем / Лишь зола да едкий чад, – / Это девушки Параша / Заревой сгоревший

плат!»). В чередовании имен особый смысл: в каждом имени своя ипостась Руси, России, русской женщины; переключка эпох.

Стихотворение М. Исаковского «Враги сожгли родную хату» (1945), положенное на музыку, в исполнении М. Бернеса ставшее одной из самых пронзительных песен о войне, имеет второе – народное – название «Прасковья». Стихотворение построено как обращение солдата, вернувшегося с фронта, к могиле жены, имя которой повторено дважды: «Стоит солдат – и словно комья / Застряли в горле у него. / Сказал солдат: “Встречай, Прасковья, / Героя – мужа своего”...»; «Не осуждай меня, Прасковья, / Что я пришел к тебе такой: / Хотел я выпить за здоровье, А должен пить за упокой...». М. Исаковский родился в деревне, в юности читал в сельском храме Давидовы псалмы по усопшим односельчанам, хорошо знал значение имен святых и для умершей солдатской жены выбрал имя почитаемой на Руси святой великомученицы Параскевы [5]. Выбор имени оказался очень удачным. Богатая символика, связанная со святой Параскевой (все ее страдания, мученическая смерть), оказалась перенесенной на солдатскую жену Прасковью, ставшую – в свою очередь – символом судьбы многих русских женщин.

В стихотворении Д. Кедрина «Мать» имя тоже связано с темой материнской любви и смерти. Старуха Прасковья, провожая сына на войну, пообещала не умереть до его возвращения. И вот – «На третьем году стала смерть у ее изголовья / “Пора! – говорит. – Собирайся на отдых, Прасковья!” / Старуха сказала: “Я рада отдать тебе душу, / Да как я свою материнскую клятву нарушу?”». Финал стихотворения оптимистический – смерть отступает перед материнской любовью: «Ну! – молвила смерть. – Я тут попусту времечко трачу! / Тебе на роду написали, я вижу, удачу. / Ты сыну, не мне, отдала свою душу и тело. / Так вот он стучится. Милуй же его, как хотела».

Стихотворение Юрия Одарченко (1949) вроде бы выбивается из «возрастной» колеи: «Прасковья, Паша, Пашенька! / Живет в высокой башенке. / Вокруг летают голуби / В глубокой синей проруби, / На самой вышке башенки / Скворец поет для Пашеньки, / А в небе облака/Белее молока. / Прасковья, Паша, Пашенька! / Под башней пашут пашенку, / Помахивая хвостиком, / Два очень смирных ослика. / На этой черной пашенке / Взойдут хлеба для Пашеньки. / А сеет те хлеба / Злодей Али-Баба. / Али, Али-Бабашенька! / Не тронь ты нашу Пашеньку. / Над ней в небесной проруби / Белее снега голуби. / Скворец на вышке башенки / Поет о счастье Пашеньки. / Но скисли облака – / Они из молока!». Героиня, скорее всего, молода. Но молодость задана дополнительными именами (*Паша, Пашенька*), несущими отличную от имени *Прасковья* окраску. А все стихотворение выдержано в обычной для этого поэта манере: «Много, много уменьшительных, тоненькая невинная

мелодия. И в каждой сказочке – сквознячок из небытия» [6]. Стихотворение напоминает детскую считалочку, но в то же время и страшилку. Упоминание злодея Али-Бабы, сеящего хлеб (возможно – это метафора будущих бед) для Пашеньки и облаков из скисшего молока (возможно – метафоры обманутых ожиданий) знаменует уже привычную нам семантику печали, предчувствия беды, связанную с именем *Прасковья*.

Поэты XX века нашли немало неординарных рифм к имени *Прасковья* – «здоровье», «зимовье», «изголовье», «Подмосковье» и т.д. В начале XXI века имя появляется в песне группы «Уматурман»: «Девушка Прасковья из Подмосковья / С грустью и тоскою снова одна. / Девушка Прасковья из Подмосковья / За занавескою плачет у окна...» уже как знак некой старомодной экзотики. Отметим принципиально новый семантический поворот: сохраняя уже знакомую нам семантику печали, имя переходит в новый возрастной разряд (*Прасковья* – девушка).

Не исключено, что со временем это «сладкозвучнейшее греческое имя» (А.С. Пушкин) войдет в моду, а затем и в поэзию. И востребованным окажется не только богатый семантический ореол, но и сама затрудненность при выборе рифмы, дающая простор для творческих экспериментов.

Но пока имя все-таки сохраняет семантику зрелости и торжественности. Чтобы выйти из этого возрастного круга, поэзия использовала другие формы имени *Прасковья* – *Параша* и *Полина*.

Литература

1. *Сухарева О.В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005.
2. *Фаустов А.А.* Явление св. Параскевы Пятницы в пушкинских текстах // Девятое Лотмановские чтения: Семиотика и типология устных традиций. Тезисы. М., 2001.
3. *Лотман Ю.М.* Евгений Онегин. Комментарий // Пушкин. СПб., 1995. С. 503.
4. *Клюев Н.* Песнь о Великой Матери / Н. Клюев; предисл. и коммент. В. Шенталинского // Знамя. 1991. № 11. С. 3–44.
5. *Минаков С.* Вино с печалью пополам / Сибирские огни. 2009. №5.
6. *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века = Lexikon der russischen Literatur ab 1917 / [пер. с нем.]. М., 1996. С. 49.

МГУ им. М.В. Ломоносова